

Цяо Е не успел пробыть с закрытыми глазами и десяти минут.

— Брат Е!!!

Дачжуан так заорал, что задрожала двухъярусная кровать. Цяо Е резко открыл глаза. Оранжевая полоса заката ещё не догорела, а в комнате общежития уже началась паника.

— Случилось! Быстро смотри университетский форум!

Телефон сунули ему прямо в лицо; экран слепил глаза. Вверху закреплённой темой горел заголовок: «Официальное обвинение: один из докладов финального тура Академического форума первокурсников подозревается в плагиате».

Заявитель — второкурсник Хэ Цзюнь. В графе авторов обвинённого доклада чёрным по белому стояли два имени.

Пэй Цзюэ. Цяо Е.

Сон мгновенно слетел с Цяо Е без следа.

Никто не знал лучше него, как создавался этот доклад. Операцию заведующего Чэня по клипированию аневризмы они с Пэй Цзюэ просмотрели от начала до конца через стекло наблюдательной комнаты. Из-за того самого угла введения иглы, на пятнадцать градусов отличавшегося от учебникового, они сорок минут спорили прямо через стекло, пока дежурная медсестра не пришла стучать им в окно. После возвращения ещё целую неделю шлифовали материал: три дня ругались из-за структуры, две ночи не спали. Черновики, которые исписал Цяо Е, набралось на полкниги. Профессор Бай, прочитав итог, даже ладонью по столу хлопнул и не исправил ни слова — сам отправил работу на университетский Академический форум первокурсников, где она прошла до финального тура.

А теперь кто-то говорит, что они её украли.

Цяо Е начал листать сообщения одно за другим. Хэ Цзюнь подал материал раньше. Предварительная позиция учебной части: работа слишком глубокая для первокурсников, авторство вызывает сомнения. «Вызывает сомнения» в переводе на простой язык означало одно: кто поверит, что вы сами способны такое написать? Комментарии за одну ночь резко переменились: «Первокурсники написали такое? Ну да, конечно». «Говорят, у этого старшекурсника связи ого-го».

Связи и правда были серьёзные. Дядя Хэ Цзюня — заместитель начальника учебной части Хэ.

— Я тебе вот что скажу. — Цяо Е шлёпнул телефон обратно в руки Дачжуану, натянул куртку и пошёл к выходу, глаза горели. — Просто так это не закончится.

Он вылетел из общежития и едва не врезался в человека у входа.

Пэй Цзюэ стоял под фонарём — явно пришёл специально. Вечерний ветер трепал полы его одежды, а лицо оставалось спокойным, будто он собирался обсудить завтрашнюю погоду.

— Видел?

— Видел. — Цяо Е стиснул зубы. — Пэй Цзюэ, я это не проглочу.

— Никто и не просит глотать, — неторопливо ответил Пэй Цзюэ. — В пятницу разбирательство. Возьми все свои исписанные черновики.

— Зачем?

— Доказательства. — Пэй Цзюэ сделал паузу. — Я видел, что ты ни одного листа не выбросил.

Цяо Е на секунду застыл. Оказывается, этот человек заметил даже его привычку собирать исписанную бумагу.

На следующий день вывесили официальное объявление: допуск обоих к финалу временно приостановлен, в пятницу состоится открытое разбирательство. Цяо Е смотрел на эту строку, чувствуя, как жжёт грудь, и так сильно вдавил ноготь в сустав правой руки, что остались белые полумесяцы.

Пятница, после обеда. Лекционная аудитория.

Отопление в начале зимы работало на полную, в помещении стояла душная жара. За столом комиссии сидел ряд профессоров, председатель форума — в центре, заместитель начальника учебной части Хэ — сбоку как приглашённый наблюдатель. Хэ Цзюнь был в безупречном костюме, волосы уложены волосок к волоску, на лице — полная уверенность. Дачжуан привёл почти половину класса и занял задние ряды так, будто пришёл смотреть бой.

В самом углу последнего ряда сидел ещё один человек. Старая куртка, в руке чашка чая, который, скорее всего, давно остыл. Тот самый пожилой консультант из кружка по интересам, про чью должность никто толком ничего не мог сказать. Увидев его, Цяо Е почему-то почувствовал себя чуть спокойнее.

Разбирательство началось. Первым выступал Хэ Цзюнь. От темы до выводов — всё оттарабанил без запинки; даже паузы выглядели отрепетированными. В конце с болью в голосе добавил:

— Младшие студенты молоды, хотят быстрее добиться успеха — это можно понять. Но академическая честность — граница, которой нельзя поступаться.

На задних рядах поднялся гул.

Настала их очередь. Цяо Е встал без лишних слов, перевернул над столом плотный бумажный пакет.

С шорохом высыпалась стопка черновиков толщиной с ладонь. На оборотах распечаток были расчёты и пометки, края листов загнулись и растрепались. На каждой странице в правом верхнем углу стояла дата — начиная с дня наблюдения за операцией и заканчивая ночью перед сдачей. Семь версий, все до одной.

— Я бедный. — Цяо Е подвинул бумаги вперёд. Говорил негромко, но каждое слово падало тяжело и отчётливо. — Мне даже новые листы покупать жалко, поэтому пишу на обороте старых. Даты, исправления, ошибки — всё здесь. Старший Хэ, а ваши черновики? Покажите хотя бы одну страницу.

Хэ Цзюнь сглотнул:

— Я привык работать на компьютере. Рукописных черновиков не храню.

— Надо же какое совпадение. — Цяо Е усмехнулся краешком губ. — И записей о том, что вы брали литературу в библиотеке, тоже нет. А у меня есть. Одиннадцать раз. Квитанции лежат в пакете.

Кто-то из комиссии нахмурился. Заместитель начальника Хэ кашлянул и неторопливо перехватил разговор:

— Молодой человек, рвение — это хорошо. Но, знаете ли, за эти годы комиссия не раз видела случаи, когда дети из трудных семей спешили выбиться в люди и выбирали короткую дорогу.

В аудитории мгновенно стало тихо.

На кого он намекал, понял бы и дурак. Жар из груди Цяо Е рванул прямо к голове. Он уже собирался ответить, но человек рядом поднялся раньше.

— Эти слова заместителя начальника войдут в протокол форума? — Голос Пэй Цзюэ был негромким и неторопливым, но резал, как только что заточенный нож. — Между материальным положением семьи и академической честностью вы сейчас установили причинную связь. Пожалуйста, предъявите основания. Если не можете — возьмите свои слова обратно.

Лицо заместителя начальника Хэ застыло. Затем он сменил тон на покровительственный, старший:

— Студент Пэй, ваш дед давно связан с нашим университетом. Зачем же вам ради человека, который к вам никакого отношения не имеет, лезть в эту грязную воду?

— Именно потому, что моя фамилия Пэй, — отчётливо, слово за словом произнёс Пэй Цзюэ, — я с детства видел слишком много таких трюков. Настолько много, что чувствую запах за десять метров.

Цяо Е резко повернул голову.

Он знал, что значит эта фамилия для Пэй Цзюэ. Клетка, которую тот носил на себе двадцать два года и от которой хотел только убежать. Но сейчас Пэй Цзюэ сам взял эту фамилию в руки, превратил в нож и выставил перед ним, Цяо Е, заслоном.

Что-то внутри груди несильно ударило — и стало одновременно жарко и тесно.

Пэй Цзюэ на него не посмотрел. Он повернулся к Хэ Цзюню; голос снова стал ровным, без малейшей волны:

— Старший Хэ, в третьей части доклада анализируется угол введения иглы во время операции, на пятнадцать градусов отличавшийся от учебникового стандарта. Объясните, почему именно пятнадцать.

Хэ Цзюнь на мгновение растерялся, а потом дословно пересказал соответствующий абзац доклада.

— Я спросил почему. А вы повторили наш вывод, — невозмутимо сказал Пэй Цзюэ. — Второй вопрос. Что этот угол означает для распределения натяжения в зоне анастомоза?

На лбу Хэ Цзюня выступил пот. Он начал мямлить что-то невпопад, перескакивая с одного на другое. На задних рядах студенты-медики уже не выдерживали и тихо смеялись.

— Третий вопрос. — Пэй Цзюэ сделал полшага вперёд. — Почему заведующий Чэнь внезапно изменил технику во время операции? Что появилось в операционном поле? Этот абзац вы якобы писали лично, должны помнить.

Лицо Хэ Цзюня из красного стало белым. Он открыл рот, но не смог выдать ни слова.

— Эти пятнадцать градусов мы с Цяо Е сорок минут выпаривали друг у друга через стекло наблюдательной комнаты, — Пэй Цзюэ убрал клинок обратно в ножны и спокойно закончил. — Мы с закрытыми глазами можем рассказать, откуда взялось каждое слово. Переписали вы аккуратно. Жаль только, что буквы мёртвые, а скальпель — живой.

Две секунды стояла мёртвая тишина, а потом задние ряды взорвались шумом.

Хэ Цзюнь покраснел от ярости, вскочил и рванул вперёд:

— Вы заранее всё сговорили!

Цяо Е шагнул на полшага и невозмутимо встал чуть впереди сбоку от Пэй Цзюэ, глядя на Хэ Цзюня сверху вниз:

— Старший, если полезете драться на разбирательстве, одним снятием с конкурса уже не отделаетесь.

В этот момент с последнего ряда раздался неторопливый голос:

— Анализ этих пятнадцати градусов, — старик в старой куртке держал чашку холодного чая и почти не поднял век, — во всей стране по пальцам одной руки можно пересчитать людей, которые его действительно понимают. Молодой Хэ даже смысла не разобрал, зато переписал аккуратно.

Никто не ожидал, что председатель форума тут же резко поднимется и слегка поклонится в сторону того угла.

Через три дня вышло официальное решение. Владелец копировального магазина признался: сосед Хэ Цзюня по комнате заплатил пятьдесят юаней и скопировал файл. Доказательства были железными. Хэ Цзюнь получил дисциплинарное взыскание и был снят с конкурса, заместителя начальника Хэ вызвало на беседу руководство университета. Их с Пэй Цзюэ доклад занял первое место в финале среди первокурсников.

Вечером того дня, когда вывесили решение, они почти одновременно вышли из учебного корпуса. Ни один не заговорил о событиях последних дней.

Цяо Е свернул к магазинчику, вышел с двумя бутылками апельсиновой газировки и не глядя бросил одну назад. Пэй Цзюэ поймал. Они прислонились к стене и выпили газировку под закатным солнцем.

— Газировка — два с половиной юаня, — сказал Цяо Е.

— Мм.

— Возвращать не надо.

— Мм.

Ветер гнал по земле листья платанов. Цяо Е запрокинул голову и допил последний глоток. Внутри у него снова и снова крутилась одна фраза: в решающий момент этот парень встал на мою сторону.

Он не знал, что у человека рядом в голове лежит ровно такая же фраза.

— Вы двое.

Старик в старой куртке неизвестно когда подошёл к ним, всё ещё с чашкой чая в руке.

— В понедельник в девять утра. Базовый корпус, триста четвёртая. Оба приходите.

Сказав это, он заложил руки за спину и ушёл.

Профессор Бай как раз вышел из корпуса, увидел удаляющуюся фигуру и застыл как вкопанный. Через несколько секунд у него вырвался сдавленный крик:

— Цинь... господин Цинь?!

Цяо Е и Пэй Цзюэ переглянулись.

— Профессор Бай, разве это не консультант нашего кружка по интересам?

— Консультант?! — Лицо профессора Бая буквально треснуло, голос подпрыгнул на октаву. — Это Цинь Фан! Он десять лет ни одного ученика не брал!

<http://bllate.org/book/21871/2271026>